К. Х. Делокаров

Наука и вызовы современности[1]

Делокаров Кадырбеч Хаджумарович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: delokarov@ur.rags.ru).

Аннотация. В статье отмечается принципиальная значимость благотворительного фонда А. Нобеля. Рассматривается амбивалентность науки, которая, по мнению ряда выдающихся учёных, вносит вклад в разрушение духовно-нравственной сферы современного человека. Истоки этого процесса автор видит в экономико-центричности современного мира.

Ключевые слова: наука, ценности, научная рациональность, глобальные вызовы.

А. Нобель — знаковая фигура в истории европейской и мировой культуры. Шведский химик-экспериментатор, открывший пироксилин (динамит), не только одним из первых сумел соединить науку и бизнес, но и осознал опасности, связанные с достижениями науки. Именно последним обстоятельством объясняет А. Эйнштейн — лауреат Нобелевской премии по физике — основание благотворительного фонда для награждения премией своего имени тех учёных, которые внесли существенный вклад в развитие физики, химии, физиологии и медицины, литературы и миротворческую деятельность. А. Эйнштейн в 1945 г., когда мир содрогнулся от атомных бомб, сброшенных на Нагасаки и Хиросиму, и великий учёный вместе с известным философом Б. Расселом — лауреатом Нобелевской премии по литературе — в своём знаменитом «Манифесте» призывали всех людей объединиться в борьбе за мир против новой угрозы тотального самоуничтожения, писал: «Физики находятся сегодня в положении Альфреда Нобеля, который изобрёл мощнейшее взрывчатое вещество своего времени — пироксилин. Чтобы покаяться, чтобы успокоить свою человеческую совесть, Нобель назначил премию за борьбу за сохранение и достижение мира. Сегодня, физики, которые способствуют изготовлению самого страшного и самого опасного оружия всех

[1] Статья подготовлена на основе переработанного доклада, представленного на Итоговой международной научно-практической конференции с элементами научных школ «Научные школы и вызовы современности (Премии Альфреда Нобеля 110 лет)», состоявшейся в г. Москве, в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 23 – 24 ноября 2011 г.

времён, испытывают подобное чувство ответственности, другими словами, чувство вины»[1]. Подчеркнём, что согласно А. Эйнштейну, А. Нобель назначил премию не вообще за выдающиеся открытия в различных областях науки, а за открытия, которые способствуют сохранению и достижению мира. Такая трактовка мотивов создания благотворительного фонда, на наш взгляд, имеет основания. В ее пользу свидетельствуют и такие факторы, как выделение специальной премии в борьбе за мир и подчёркивание им в завещании, что для присуждения премии по литературе «идеалистическая направленность» должна быть достаточным основанием[2]. В этой связи логично предположить, что А. Нобель основанием своего фонда, ставшего самой авторитетной премией, хотел не только поддержать науку, но и способствовать сохранению мира на планете. В этой связи до сих пор актуальны слова А. Эйнштейна о том, что «разбуженная сила атома изменила все кроме нашего способа мышления, и таким образом мы приближаемся к не имеющей себе равной катастрофе, если только люди и правительства не произведут фундаментального изменения в своём отношении друг к другу, а также в своём представлении будущего». К сожалению, как показывает истории, рост науки и технологии не сопровождается таким же ростом духовно-нравственных ценностей. Между тем, как справедливо отметил один из великих гуманистов XX в. А. Швейцер — лауреат Нобелевской премии мира — «Всякий прогресс познания и практики оказывает роковое влияние, если им не овладевает соответствующего прогресса духовности»[3]. Справедливость тезиса А. Швейцера, назвавшего прогресс в области духовности «прогрессом прогресса», доказывается всей последующей динамикой социально-экономических и ценностно-мировоззренческих процессов, ведущих к новым, не имеющим аналогов в предшествующей истории, вызовом.

Наука в XX в. перестала быть только инструментальной ценностью. Она превратилась в один из решающих цивилизационных инструментов постиндустриального мира, в котором не заводы и фабрики, а университеты и научно-исследовательские комплексы определяют основные тренды общественного развития. На первый взгляд, такой процесс можно только приветствовать, поскольку университеты и научно-исследовательские комплексы значительно не только расширяют горизонт видения человеком происходящих процессов, но и приводят к дальнейшей интеллектуализации различных сфер бытия. Успехи на этом пути общеизвестны. Наука радикально изменила представления не только о внешнем мире, но и об обществе и самом человеке. Наука, в частности, показала, что «человеческое общество представляет собой необычайно сложную систему, способную претерпевать огромное число бифур-

---

[1] Цит. по: Наука и нравственность. — М., 1971. — С. 361 – 362.

[2] *Бернхард К. Г.* Нобелевские премии и нобелевские институты // Лауреаты Нобелевской премии: энциклопедия. — М.: Прогресс, 1992. — С. XXIII.

[3] *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. — М.: «Прогресс», 1992. — С. 234.

каций, что подтверждается множеством культур, сложившихся на протяжении сравнительно короткого периода в истории человечества… Мы живём в опасном и неопределённом мире, внушающем не чувство слепой уверенности, а лишь чувство умеренной надежды»[1]. Разумеется, надежда на возможность решения все углубляющихся проблем общепланетарного характера необходима, поскольку катастрофическое сознание может привести к катастрофическому будущему, но насколько они оправданы и чем может помочь наука в преодолении возникающих сомнений. Здесь нет единой точки зрения. Если согласно американского биохимика А. Сент-Дьёрди — лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине — «Вести человечество надо позволить учёным с их чудесными научными достижениями. Именно они поведут людей к немыслимому ныне благосостоянию, здоровью и благородству»[2], то с этим утверждением принципиально не согласны многие учёные и мыслители, в том числе коллеги А. Сент-Дьёрди «по Нобелевскому цеху». Так, известного немецкого физика М. Борна — лауреата Нобелевской премии по физике — не покидало «чувство, что ход развития естественных наук настолько противостоит всей истории и традициям человечества, что наша цивилизация просто не в состоянии сжиться с этим процессом. Нынешние политические и милитаристские ужасы, полный распад этики — всему этому сам был свидетелем на протяжении своей жизни. Эти ужасы можно объяснить не как симптом эфемерной социальной слабости, а как необходимое следствие роста науки, которая сама по себе есть одно из высших достижений человеческого разума»[3]. Вывод М. Борна пессимистичен: «Если это так, то человеку как существу свободному и способному отвечать за свои действия должен наступить конец. Если даже род человеческий не будет стёрт ядерной войной, он может выродиться в какие-то разновидности оболваненных и бессловесных существ, живущих под тиранией диктаторов и понукаемых с помощью машин и электронных компьютеров»[4].

В конце XX и начале XXI вв. человек, столкнувшись с такими глобальными вызовами как экологический, демографический и т. д., вынужден задуматься над их природой, искать пути выхода из сложившейся ситуации. Осмысление сложившейся на планете проблемной ситуации привело многих исследователей к критике науки как решающего инструмента развития современной цивилизации. Приведём несколько цитат, свидетельствующих об обеспокоенности учёных и философов, порождаемых дальнейшей сциентизацией бытия. Согласно В. Франклу, известному психологу и мыслителю, прошедшему фашистские лагеря смерти, «Если наука не будет себя самоогра-

---

[1] *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М., 2001. — С. 276.

[2] *Сент-Дьёрди А.* Стоит ли экономить на науке? // Природа. — 1972. № 2. — С. 57.

[3] *Борн М.* Моя жизнь и взгляды. — М., 1973. — С. 45.

[4] Там же.

ничивать, ей грозит перерождение в одну из форм ложного и репрессивного сознания»[1]. По мнению другого психолога и философа К. Г. Юнга, «по мере роста научного понимания мир становится дегуманизированным...»[2] А современный немецкий философ К. Хюбнер связывает анализ природы и границ науки со смыслообразующими вопросами бытия: «Вопрос о границах научного рассмотрения природы и действительности включает в себя вопрос о границах научного рассмотрения самого человека»[3], так как «всегда, когда человек подчиняет науку определённым целям, встаёт вопрос о природе самого человека вообще»[4].

Вывод, к которому приходят критики науки, как базовой ценности западной цивилизации, сводится к тому, что «Западная цивилизация едва достигла возраста одного тысячелетия, она должна прежде избавиться от своей варварской односторонности. Это означает, в первую очередь, более глубокое видение человеческой природы»[5]. Разделяет эту позицию и В. Франкл: «Нашим учёным нужно нечто большее, чем знание. Им нужно обладать и мудростью. А мудрость я определяю как Знание плюс сознание его ограничений»[6]. Именно игнорирование проблем границ науки и основанной на науке рациональности привело, по мнению одного из крупнейших немецких философов XX в. М. Хайдеггера, к тому, что «под угрозой находится сама укоренённость сегодняшнего человека. Не учитывается новое положение человека в мире и иное состояние мира. Мир представляется объектом, открытым для атак вычисляющей мысли, атак, перед которыми уже ничто не сможет устоять»[7]. Эту мысль доводит до «предела» современный французский философ-постмодернист М. Фуко, согласно которому в наши дни «Безумие превращается в одну из форм самого разума».

В основе всех этих критических замечаний лежит осознание опасности превращения науки и основанной на её достижениях формы рациональности в приоритетный, зачастую решающий инструмент для решения всех смысложизненных вопросов современного общества. Подобная постановка вопроса исторически восходит к греческой философской традиции. Но в содержательном плане такая абсолютизация научного знания в его новоевропейском смысле порывает с греческой интеллектуальной традицией, поскольку научная рациональность не учитывает роль ценностей. В этой связи напомним, что в греческой философии знание и добродетель были органически связа-

---

[1] *Франкл В.* Человек в поисках смысла. — М., 1990. — С. 90.

[2] *Юнг К. Г.* Архетип и символ. — М., 1991. — С. 91.

[3] Там же. — С. 232.

[4] *Хюбнер К.* Критика научного разума. — М., 1994. — С. 27.

[5] *Хюбнер К.* Критика научного разума. — М., 1994. — С. 27.

[6] *Франкл В.* Человек в поисках смысла. — М., 1990. — С. 90.

[7] *Хайдеггер М.* Разговор на просёлочной дороге. — М., 1991. — С. 107.

ны. Платон устами Сократа в диалоге «Менексен» подчеркнул важную для обсуждаемой нами проблемы мысль: «И всякое знание, отделённое от справедливости и другой добродетели, представляется плутовством, а не мудростью». В средневековой культуре ценности были определяющими.

И только в рамках нововременной науки знания и добродетель были разведены, что оказало существенное влияние на понимание науки, трактовку её целевых установок и место в культуре. Фундаментальная проблема современного постиндустриального человека в том, что он потерял основания своей идентичности. Отказавшись де факто от религиозной Веры в эпоху Возрождения, особенно в эпоху Просвещения, человек с энтузиазмом стал создавать новую веру — веру в науку, которая постепенно стала смыслообразующим ядром нового рационального человека. Наука стала не только основанием и воплощением рацио, но и новой верой.

Однако со временем, особенно после Второй мировой войны и применения атомной бомбы, а также столкновения индустриального человека и природы, ставшего угрозой для будущего всего человечества, постепенно приходило отрезвление. Этому способствовали и события в самой науке, которая в процессе развития доказывала относительность исходных онтологий и картин мира. В конце XXI в. относительность и историчность научных истин стали нормой.

Все это привело к тому, что росла критика науки и основанной на ее принципах рациональности, которые, хотя и принесли множество достижений, особенно в технологической сфере, но не принесли главное: безопасность, справедливость, понимание человеком себя и других. Более того, она стала источником новых опасностей, поскольку любое фундаментальное достижение науки в первую очередь становится оружием: физика дала миру атомное, водородное оружие, химия — химическое, биология — биологическое, было создано нейропаралитическое оружие и на очереди информационное оружие. И можно не сомневаться, что он будет создано.

Все эти обстоятельства заставляют пересмотреть ту парадигму, которая сложилась в культуре после появления новоевропейской науки. Разумеется, не стоит доказывать, что наука и в дальнейшем должна оставаться одной из ведущих цивилизационных сил, поскольку без науки современный человек не может адекватно отвечать на глобальные вызовы и угрозы, вызванные к жизни самим человеком. Поэтому речь идёт не об отрицании науки, а о поиске нового, более «скромного» места науки в культуре, поскольку, как показал социально-исторический опыт, наука не может стать смыслообразующим ядром дальнейшего цивилизационного развития. Человек должен подключить волю, чувства, ценностные предпочтения, чтобы стать ответственным за будущее планеты, уменьшит неустойчивость и нестабильность в мире. Все это актуализирует не только «я хочу», но и «я должен», ибо человек начинается с того, что он осознает свой долг перед другими. В этой связи дальней-

шее развитие человека может быть связано не только с ограничением сферы науки операционально-прагматической сферой, но и приданием науке нового образа, новых целей, сочетающих в себе стремление к истине со стремлением к добродетели. Характерно, что И. Р. Пригожин, — лауреат Нобелевской премии по химии, — анализируя вопрос о возможности уничтожения человеком себя и мира в результате войны с применением имеющихся сегодня средств, считает, что «наиболее существенным сегодня является, вероятно, переход от культуры войны к культуре мира, который пока не осуществлён»[1]. В этом смысле процесс очеловечения человека продолжается. Подчеркнём, что И. Р. Пригожин в процессе дальнейшего очеловечения человека надеется не на достижения генной инженерии или инфо-, био-, нанотехнологии, при всей их функциональной значимости, а на креативность человека, его способность совершенствоваться, стать ответственным.

Несколько иным видится будущее человека одному из ведущих современных физиков-теоретиков С. Хокингу. По его мнению, «Если только у нас не установится тоталитарный мировой порядок, кто-то где-то будет создавать усовершенствованного человека»[2]. При этом, очевидно, что подобный ход цивилизационного развития «вызовет огромные социальные и политические проблемы»[3], поскольку неизбежны конфликты между усовершенствованными и неусовершенствованными людьми. Обсуждая этот вопрос, С. Хокинг исходит из того, что речь идёт не только и не столько о поддержке или запрете генной инженерии, сколько о вероятности такого сценария, независимо от того, хотим мы или не хотим этого. И поскольку человеческая раса и ее ДНК будут наращивать очень быстро сложность, то важно подготовиться к этому, чтобы знать, каким образом следует реагировать на такое развитие событий[4]. Не касаясь всех вопросов, поднимаемых С. Хокингом, отметим, что совершенствование человека происходит на протяжении всей человеческой истории. Естественно, что развитие, совершенствование человека происходит не в биологическом отношении, а в контексте культуры, созидания им новых смыслов, продуктов, целей и т. д. Тем самым эволюция и совершенствование находит отражение в мифах, философских системах и научных теориях, новых технологиях и социальных системах. Вместе с тем, размышления над тезисом С. Хокинга показывают не только сложность обсуждаемой проблемы, но и её открытость, креативность (И. Пригожин), которую С. Хокинг в своём утверждении не учитывает. Будущее, в том числе и будущее человека, не предопределено, оно творится самим человеком. Это накладывает особую ответственность на человека и, в первую очередь, на учёных и философов, которые принимают не-

---

[1] *Пригожин И.* Очеловечение человека, креативность природы и креативность человека // Вызов познания. — М., 2004. — С. 259.

[2] *Хокинг С.* Мир в ореховой скорлупе. — М., 2007. — С. 173.

[3] Там же.

[4] *Хокинг С.* Там же. — С. 175.

посредственное участие в «конструировании» человека и постижении смысла того, что есть человек. Такая постановка вопроса вынуждает обратиться к философии, которая имеет богатую традицию в обсуждении данной проблемы. Между тем в сциентистской культуре философия находится на периферии культуры. Цивилизация должна изменить эту ситуацию и учесть фундаментальные результаты философии по проблемам человека. Из огромного числа идей приведём несколько цитат, передающих, на наш взгляд, современное состояние проблемы. Согласно современному отечественному философу А. А. Гусейнову, «человек сегодня остаётся для себя такой же тайной, какой был и две с лишним тысячи лет назад… Возможно, в человеке есть нечто закрытое, принципиально недоступное для науки с её объективными методами исследования»[1]. Сложность проблемы человека чётко зафиксировал Ф. Ницше в работе «По ту сторону добра и зла»: «В человеке тварь и творец соединены воедино: в человеке есть материал, обломок, глина, грязь, бессмыслица, хаос; но в человеке есть также и творец, ваятель, твёрдость молота, божественный зритель и седьмой день — понимаете ли это противоречие?»[2]. Наконец, приведём полные философского смысла рассуждения героев Ф. М. Достоевского. Как писал Ф. М. Достоевский, «Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твёрдого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на Земле, хотя бы кругом его все были хлебы»[3]. После этих размышлений мыслителя-писателя эволюция духовных устремлений происходили таким образом, что «хлеба» все больше становятся смыслообразующим ядром личности, вытесняя на периферию культуры такие проявления человеческого «Я» как добро, сострадание, вера, долг. Между тем по мнению известного англо-американского философа, логика и математика А. Уайтхеда, «существует неотвратимая закономерность в том, что цивилизация, у которой нет какой-либо высшей цели, погрязает в сладострастии или же впадает в монотонное однообразие, в котором гаснет всякое живое чувство»[4]. Именно с подобной ситуацией встретилась современная цивилизация, которая с огромной скоростью куда-то мчится, сама не зная куда. Пора остановиться, осмыслить исходные установки, чтобы найти новые пути цивилизационного развития. Для этого необходимо понять, что не только социализм в той форме, которая существовала недавно, но и капитализм с его абсолютизацией выгоды, прибыли, денег исчерпали свой цивилизационный потенциал. Между тем, как отметил известный американский экономист Л. Туроу, «с начала промышленной революции, когда успехом стали считать повышение материального уровня

---

[1] *Гусейнов А. А.* Что же мы такое? // Многомерный образ человека. На пути к созданию единой науки о человеке. — М., 2007. — С. 89.

[2] *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. Соч.: в 2 т. — М., 1990. — Т. 2. — С. 346.

[3] *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. Кн. 5. — С. 279.

[4] *Уайтхед А.* Избранные работы по философии. — М.: Прогресс, 1990. — С. 482.

жизни, не удавалась никакая другая экономическая система, кроме капитализма… Капитализм, и только он один, формирует теперь понятие о человеческой личности: чтобы повысит уровень жизни, он использует, по мнению некоторых, жизненные мотивы человека — жадность и корысть»[1]. Подобная установка стала наиболее эффективной Целью такой системы является победа в конкурентной борьбе. Как отметил Б. Рассел, обогащение — «главный двигатель капиталистической системы»[2]. Согласно британскому философу, стремление к обогащению — «самый могучий человеческий мотив, более сильный, чем желание утолить голод»[3]. «Стремление к наживе» — ядро капиталистической экономической системы. М. Вебер в своей классической работе «Протестантская этика и дух капитализма» обосновывал тождественность капитализма и стремления к наживе. По его мнению, «Капитализм, безусловно, тождествен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, и непрерывно возрождающейся прибыли, к рентабельности. И таковым он должен быть»[4]. Таковой остаётся цель и современного капитализма, независимо от того, называется ли он информационным или когнитивным. Как отмечают шведские исследователи Й. Риддерстрале и К. Нордстрем, — авторы ставшего бестселлером работы «Бизнес в стиле фанк», — в новой книге «Караоке-капитализм. Менеджмент для человечества»: «Соблазнённое мечтами об успехе, человечество впало в безумную страсть к деньгам»[5]. Следствием такой безумной страсти к деньгам стали не только экологический кризис, выражающийся в разрушении природных оснований человеческого бытия, но и усиление всеобщей напряжённости, обусловленное усиливающимся разрывом между самыми богатыми и самыми бедными. Человек, живущий только экономическими интересами, в конечном итоге «не то чтобы опускается ниже среднего человеческого уровня, или, как иногда говорят, превращается в животное — он падает гораздо ниже: ни одно живое существо не изобрело таких жестокостей и подлостей, в которых человек еще находит свое удовольствие»[6]. Проникновение идей рынка во все поры общества приводит к деструкции человека, уменьшению культурной составляющей личности, утраты духовности. Таковы неизбежные последствия превращения личности в «одномерного» (Г. Маркузе) человека, замены «быть» на «иметь» (Э. Фромм). Инструментальный разум ставит

---

[1] *Туроу Л. К.* Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. — Новосибирск, 1999. — С. 9.

[2] *Рассел Б., Черчилль У.* Избранные страницы. — М., 1998. — С. 117.

[3] Там же.

[4] *Вебер М.* Избранные произведения. — М., 1990. — С. 49.

[5] *Риддерстрале Й., Нордстрем К.* Караоке-капитализм. Менеджмент для человечества. — М., 2009. — С. 129.

[6] *Мунье Э.* Персонализм // Французская философия и эстетика XX в. — М., 1995. — С. 170.

средства выше цели, конкретные, практически значимые знания выше мудрости, а рассудок выше Разума.

Современный человек достиг поразительных успехов, развив в себе способность рефлексировать над отдельными конкретными вопросами, о чем свидетельствуют многочисленные достижения в разных специальных областях, но он… значительно понизил, если не погасил в себе способность рефлексировать о целом, о бытии, о сущем, о Человеке, Боге, Природе. Создав науку в новоевропейском смысле и на её основе сциентистское мировоззрение, человек сосредоточил своё основное внимание на отдельном, частном, конкретных системах различной степени общности, но забыл об общем, целом. Вот почему человечество должно найти в себе силы отказаться от той парадигмы цивилизационного развития, которая породила глобальные вызовы современности, иначе «человек может задаться вопросом, не составляет ли вся история человечества лишь преходящий эпизод в истории Земли, человек может погибнуть и вновь уступить место неизмеримой по своему времени истории Земли»[1]. Между тем масштабы глобальных вызовов растут.

В заключение зададим риторический вопрос: этого ли хотел А. Нобель? Завершим статью высказыванием Б. Паскаля о человеке: «Опасно слишком настойчиво убеждать человека, что он не отличается от животных, не доказывая одновременно его величия. Опасно и доказывать его величие, не вспоминая о его низости. Ещё опаснее оставлять его в неведении того и другого, но очень полезно показывать ему и то и другое»[2].

© Делокаров К. Х., 2012

[1] *Ясперс К.* Власть массы // *Ясперс К., Бодрийяр Ж.* Призрак толпы. — М. : Алгоритм, 2007. — С. 177.

[2] *Паскаль Б.* Мысли. — М. , 1995. — С. 107.